

П.Н. Ардашев

**Месяц во французской
провинции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П11

П11 **П.Н. Ардашев**
Месяц во французской провинции / П.Н. Ардашев – М.: Книга по Требованию,
2024. – 49 с.

ISBN 978-5-458-15518-2

Месяц во французской провинции. Из дневника профессора П. Н. Ардаше-
ва.

ISBN 978-5-458-15518-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мѣсяцъ въ Шампани.

Шалонъ, 4 іюня 1897 г. Пятница. — Съ сегоднешняго утра я — въ столицѣ Шампани, или точнѣе — въ одной изъ ея столицъ, такъ какъ титулъ этотъ оспариваетъ у Шалона городъ Труа (Troyes) и, быть можетъ, не безъ пѣкаторыхъ основаній. У Труа, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе историческихъ правъ на это названіе; но Шалонъ, съ своей стороны, можетъ сослаться на издавна признанное за нимъ значеніе административнаго центра провинціи Шампани (Champagne), вплоть до великой революціи, низведшей Шалонъ на степень административнаго центра департамента Марны, составляющаго лишь незначительную частицу прежней Шампани, изъ которой выкроили четыре департамента (Марны съ гл. городомъ Шалонъ, Объ (Aube) — съ г. Труа, Верхней Марны — съ г. Шомонъ, и Арденновъ — съ г. Меэьеръ).

Въ галло-римскую эпоху Шампань, носившая у римлянъ названіе Кампаніи (Campania), была населена шестью галльскими племенами, имена которыхъ, какъ почти повсюду на территоріи теперешней Франціи, сохранились, въ измѣненномъ, часто до неузнаваемости, видѣ, въ названіяхъ мѣстныхъ городовъ, игравшихъ въ свое время роль столицъ для каждаго изъ этихъ племенъ. Такъ, племя Трикассовъ оставило свой звуковой слѣдъ въ названіи г. Труа, племя Ремонъ — въ названіи г. Реймса, племя Каталауновъ — въ названіи Шалона, племя Сеноновъ — въ названіи г. Санса, племя Лингоновъ — Лангръ,

Мельдовъ — Мо (Meaux). Имя одного изъ этихъ племень, Ката-лауновъ (Catalauni), извѣстно у насъ всѣмъ и каждому изъ уроковъ элементарной исторіи: знаменитая каталаунская битва 451 г., „битва народовъ“, въ которой римскія войска подъ предводительствомъ Аэція, вмѣстѣ съ Вестготами Теодориха, разгромили гуннскія полчища Атиллы. Каталаунское поле (Campus Catalaunus), бывшее театромъ этой битвы, лежитъ въ окрестностяхъ Шалона, гдѣ, будто-бы, до сихъ поръ сохранились слѣды лагеря Атиллы. Надо будетъ при случаѣ прогуляться туда, посмотрѣть.

Но я черезчуръ углубился въ глубь временъ претекшихъ, — возвращусь къ настоящему, точнѣе — къ сегоднешнему дню.

Отъ Парижа до Шалона — около ста семидесяти верстъ, около трехъ часовъ ѣзды. Сегодня въ девять часовъ утра сѣлъ я въ поѣздъ на Восточномъ вокзалѣ, а въ полдень былъ уже въ Шалонѣ. И когда подумаешь, что не далѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ, омнибусъ, выѣзжавшій изъ Парижа въ четвергъ, привозилъ своихъ пассажировъ въ Шалонъ въ субботу . . .

Отъ Парижа и вплоть до самаго Шалона дорога идетъ все время по долинѣ рѣки Марны (Marne). Мѣстность холмистая, мѣстами чрезвычайно живописная. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Парижа возвышенности начинаютъ одѣваться виноградниками, которые становятся все чаще и обильнѣе по мѣрѣ приближенія къ г. Шато-Тьерри (Château-Thierry), приблизительно на полпути между Парижемъ и Шалономъ.

Шато-Тьерри, „замокъ Тьерри“, т. е. Теодориха, Castrum Theodorici, представляетъ собою въ настоящее время небольшой городокъ, съ семью тысячами жителей, живописно раскинувшійся на зеленѣющихъ, смѣющихся холмахъ, среди виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Въ своей прелестной, веселенькой рамкѣ онъ представляетъ собою одну изъ восхитительнѣйшихъ панорамъ богатой веселенькими, какъ бы улыбающимися видами Франціи. Начиная съ Шато-Тьерри, мы всту-

паемъ въ настоящую, виноградную Шампань. Еще полчаса ѣзды, и мы въ Эпернэ (Epernay), столицѣ этой виноградной Шампани. Поѣздъ останавливается на нѣсколько минутъ. Изъ буфета раздается хлопанье пробокъ. У входа надписи крупными буквами: Бокаль шампанскаго 50 сантимовъ (18 $\frac{1}{2}$ к.). Рѣшилъ, что было бы „грѣшно“ прѣхать мимо шампанской столицы, не всырыснувъ ее бокаломъ „мѣстнаго“ вина — благо оно здѣсь доступно и моему нетолстому карману: почти въ одной цѣнѣ съ пивомъ (бокаль пива 40 сантим.). Зашелъ въ буфетъ, выпилъ, — ничего себѣ, хотя и не такъ, чтобы того . . . Хорошее шампанское пить, видно, надо подалеже ѣхать: въ Англію, въ Америку, въ Россію. Потому — что получше, отправляютъ подалеже, за границу, туда, гдѣ платятъ — не скупаются, а не то чтобы, значить, за двугривенный бокаль подай . . . Это мнѣ напомнило и про швейцарскій сыръ, котораго — если угодно получить лучшаго качества — слѣдуетъ искать всюду, гдѣ угодно, только не въ Швейцаріи, и чѣмъ дальше отъ Швейцаріи, тѣмъ лучше. Одинъ знакомый швейцарецъ, бывавшій въ Россіи, говорилъ мнѣ, что нигдѣ онъ не ѣдалъ лучшаго швейцарскаго сыра, чѣмъ въ Москвѣ.

Эпернэ, не смотря на свою древность, имѣетъ видъ совершенно новенькаго города, — съ новыми или подновленными, веселенькими домами, съ широкими окнами и приплюснутыми крышами. Небольшихъ размѣровъ (около 19.000 ж.), но имѣетъ видъ цвѣтущаго городка. И не диво. Вѣдь, черезъ этотъ небольшой городокъ протекаютъ ежегодно многомилліонные капиталы. Эпернэ, на ряду съ Реймсомъ, одинъ изъ двухъ главныхъ центровъ оптовой торговли шампанскимъ. Здѣсь же находятся и величайшіе въ свѣтѣ винные погреба компаніи Мерсье, высѣченные въ толщѣ мѣловой горы, на которой раскинулся Эпернэ. Входъ въ подвалы замаскированъ тяжеловѣснымъ каменнымъ зданіемъ, которое выходитъ своимъ необыкновенно растянувшимся въ ширь фасадомъ почти прямо на полотно желѣзной дороги, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала, а заднею своею частью упирается въ отвѣсную

гору, подъ которой кроются погреба. При случаѣ надо будетъ взглянуть на эту единственную въ своемъ родѣ достопримѣчательность. Рядомъ съ подвалами компани Мерсье находятся подобные же подвалы, только болѣе скромныхъ размѣровъ, другой компани, „Шампанскаго Союза“ (Union Champenoise).

... Еще полчаса ѣзды, и поѣздъ останавливается передъ вокзаломъ Шалона. Шалонъ насчитываетъ не болѣе 25.000 жителей, но, по занимаемому имъ пространству, имѣетъ видъ большого города. Не смотря однако на свои довольно почтенные размѣры, онъ производитъ такъ же мало впечатлѣнія вблизи, какъ и издали. Виною тому главнымъ образомъ мѣстность, лишенная всякой живописности, совершенно ровная. Подобно Эперню, Шалонъ не сохранилъ въ своей фizioномiи сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ старины. Есть, правда, не мало узкихъ и кривыхъ улицъ и переулковъ, говорящихъ своимъ причудливымъ лабиринтомъ о далекомъ прошломъ города, но всѣ дома, даже и въ этихъ укромныхъ уголкахъ, имѣютъ болѣе или менѣе современный видъ. Много прямыхъ и широкихъ улицъ на современный ладъ, но нѣтъ ни одной, которую бы можно было назвать красивой. Все довольно плоско и пошло. Выгоднымъ образомъ выдѣляются лишь нѣкоторыя части набережной Марны и ея многочисленныхъ каналовъ. За два часа я успѣлъ исколесить городъ вдоль и поперекъ, благодаря своему стальному коню. Открылъ при этомъ одинъ красивый, и даже могу сказать прелестный уголокъ. Это такъ называемый Жаръ (Jard), городской паркъ на окраинѣ города, съ прилегающимъ къ нему съ одной стороны садомъ того же имени, съ другой — расположеннымъ по другую сторону канала англійскимъ садомъ. Вѣковые платаны, каштаны и пирамидальные тополи образуютъ длинныя аллеи, перекрещивающіяся во всѣхъ направленіяхъ. Это — собственно паркъ. Что касается обонхъ „садовъ“, то они оба въ англійскомъ вкусѣ: столь излюбленная французскими садовниками прямая линія и геометрическая симметрія изгнана отсюда без-

пошадно, съ чѣмъ остается только поздравить шалонцевъ. Вообще, врядъ ли много городовъ найдется во Франціи, которые бы могли похвастаться столь просторнымъ и прелестнымъ мѣстомъ для прогулки. По крайней мѣрѣ, мой печатный путеводитель по Шалону увѣряетъ, отдавая явную дань мѣстному патріотизму, что „Жаръ составляетъ одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ для прогулокъ, какія только возможно себѣ представить“, и при этомъ прибавляетъ: „онъ усердно посѣщается жителями и служитъ предметомъ восхищенія для пріѣзжихъ“. Противъ послѣдней половины этого тезиса не имѣю ничего возразить, такъ какъ самъ принадлежу къ числу „восхищающихся пріѣзжихъ“; но относительно первой его части долженъ признаться, что мои первыя наблюденія идутъ совершенно въ разрѣзъ съ этимъ увѣреніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ пространствѣ Жара мнѣ посчастливилось встрѣтить всего лишь двухъ посѣтителей, которые, быть можетъ, были такими же „пріѣзжими“, какъ и я грѣшный. Этотъ маленькій эдемъ, подъ бокомъ у двадцатипяти тысячнаго города, казалось, долженъ бы былъ быть переполненъ, въ особенности въ такую прелестную погоду, какъ сегодня, — а между тѣмъ онъ представляетъ въ дѣйствительности совершенно уединенное мѣсто, въ которомъ встрѣчаешь гораздо болѣе статуй, чѣмъ живыхъ людей. Признаться, мнѣ уже и ранѣе не разъ приходилось отмѣчать необыкновенное равнодушіе французовъ къ природѣ, но ни разу еще не приходилось встрѣчаться съ болѣе краснорѣчивымъ проявленіемъ этой маленькой черточки французской національной психологіи. Сами они, впрочемъ, не сознаютъ и не признаютъ этого, но мало ли чего кто не сознаетъ и не признаетъ . . . Обиднаго тутъ для нихъ во всякомъ случаѣ ничего нѣтъ. „Красному яблочку червоточника не покорь“.

По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулся паркъ Жаръ, св. Бернардъ Клервальскій проповѣдовалъ въ 1147 г. второй крестовый походъ. Въ ту пору Жаръ представлялъ собою пустопорожнюю пустошь, и въ каковомъ видѣ просуществовалъ вплоть до семидесятыхъ годовъ 18-го столѣтія,

когда шалонскому интенданту (соответствует нашему губернатору) пришла счастливая мысль — она была совершенно въ духѣ того времени — сдѣлать изъ этой пустоши нѣчто такое, чѣмъ бы можно было приводить въ восхищеніе — прїѣзжихъ, по крайней мѣрѣ, за полную неспособностью къ тому туземныхъ жителей.

Паркъ соединенъ съ англійскимъ садомъ пѣшеходнымъ мостикомъ, переброшеннымъ въ видѣ высокой легкой арки черезъ марнскій каналъ. Это, по-моему, самый прелестный уголокъ во всемъ Шалонѣ: сочетаніе роскошной растительности и воды — съ одной стороны, съ другой — открывающіяся двѣ восхитительныя перспективы, — одна вдоль канала съ вырисовывающимися въ глубинѣ ея величественнымъ силуэтомъ стариннаго собора, который кажется вырастающимъ изъ воды, другая — вдоль одной изъ главныхъ аллей парка и ея продолженія, носящаго названіе „дормессоновскаго ристалища“ („Cours d' Ormesson“), съ находящимся въ глубинѣ этой уличной перспективы въ триста съ лишкомъ сажень длиною элегантнымъ дворцеобразнымъ зданіемъ префектуры (соответствуетъ нашему губернаторскому дому), построеннымъ въ тяжеловатомъ, но импозантномъ стилѣ конца восемнадцатаго столѣтія. Изъ оконъ префектуры долженъ открываться прелестный видъ, надо думать единственный во всемъ городѣ, по своей привлекательности. Да и самое зданіе префектуры, несомнѣнно, самое элегантное и импозантное во всемъ городѣ. Съ нимъ не можетъ соперничать даже новый „дворецъ юстиціи“, роскошное и нѣсколько претенціозное сооруженіе, въ „комфортабельномъ“ стилѣ нашего времени. Но, какъ было еще въ средніе вѣка, такъ и въ наши дни, да, вѣроятно, такъ будетъ еще долго и послѣ насъ: въ каждомъ французскомъ городѣ самымъ величественнымъ и роскошнымъ зданіемъ является обыкновенно соборъ.

Послѣ бѣглого обозрѣнія города съ птичьяго полета, первымъ моимъ визитомъ былъ соборъ.

Ахъ, сколь много иныхъ сооруженія выигрываютъ отъ

„почтительнаго разстоянія“, которое отдѣляетъ отъ нихъ зрителя! Шалонскій соборъ служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Съ какимъ восхищеніемъ любовался я его величественнымъ силуэтомъ изъ-подъ аркообразнаго мостика „Жара“, на разстояніи полуверсты, съ такимъ же разочарованіемъ взиралъ я теперь на эту нелѣпую архитектурную глыбу вблизи, съ прилегающаго къ нему сквера Карно. Сколько-нибудь выгодное впечатлѣніе производитъ соборъ только при взглядѣ на него сбоку, совсѣмъ вблизи. „Ребра“ его предоставляютъ собою, дѣйствительно, наиболее гармоничную и наиболее выдержанную, въ смыслѣ стиля, часть. Но фасадъ . . . Святители! Чья это варварская рука приляпала къ этому великолѣпному готическому корпусу тринадцатаго вѣка двухъ-этажную колоннаду въ ложноклассическомъ стилѣ конца семнадцатаго столѣтія? . . . Ищу объясненія въ своемъ путеводителѣ. Оказывается, что на своемъ долгомъ вѣку соборъ испыталъ на себѣ неоднократно разрушительное дѣйствіе молніи и пожара, и многократно подвергался различнымъ починкамъ и перестройкамъ. Въ одну изъ этихъ злополучныхъ архитектурныхъ передрагъ и былъ, какъ оказывается, приляпанъ этотъ злополучный фасадъ изъ двухъ-этажной колоннады, представляющій собою воціюцій архитектурный диссонансъ, какой только можно себѣ представить. И нужно быть воистину патріотомъ своего родного города, чтобы рѣшиться, какъ это дѣлаетъ составитель моего путеводителя, заявить въ назиданіе „иностранцамъ“ : „многіе соборы превосходятъ нашъ своими размѣрами, но ни одинъ не превосходитъ его гармоніей своихъ формъ“ . . .

Отмѣчу еще одну довольно курьезную особенность шалонскаго собора. Она заключается въ отсутствіи абсида, вмѣсто котораго, противоположный конецъ собора оканчивается двумя симметричными башнями, придающими этой части собора видъ какъ бы другого фасада. Башни эти, лишенныя вдобавокъ своихъ верхушекъ (снесенныхъ въ недавнее сравнительно время за ихъ ветхость), непропорціонально малы сравнительно съ корпусомъ собора.

Изъ многочисленныхъ площадей Шалона стѣбитъ отмѣтити лишь двѣ: площадь Республики, съ монументальнымъ фонтаномъ посрединѣ, сооруженнымъ лѣтъ десять тому назадъ, — это самая большая изъ городскихъ площадей; другая — площадь Думы, съ тяжеловатымъ зданіемъ городской Думы въ стилѣ восемнадцатаго вѣка и съ очень удачнымъ памятникомъ президенту Карно передъ фасадомъ зданія. Это самая красивая изъ всѣхъ шалонскихъ площадей; а что касается памятника, то я не знаю ничего болѣе удачнаго въ своемъ родѣ, хотя весь памятникъ, очень скромныхъ размѣровъ, представляетъ собою лишь бюстъ изъ бѣлаго мрамора на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ бронзовою группой, среди которой выдѣляется граціозная фигура женщины, изображающая собою Францію, и простирающая къ бюсту лавровый вѣнокъ. Довольно банальная аллегорія, если угодно, но сколько души, сколько чувства и вмѣстѣ художественнаго вкуса вложено художникомъ въ эту маленькую и скромную, но артистически выполненную скульптурную композицію. Чудный эффектъ производитъ между, прочимъ, это сочетаніе бѣлоснѣжнаго мрамора съ темносѣрымъ гранитомъ и темною бронзой, — эффектъ, въ которомъ нѣтъ ничего кричащаго, ходульнаго; напротивъ, въ немъ столько простоты и достоинства, столько солидности и строгаго художественнаго чутія.

... Съ перваго же взгляда бросается въ Шалонѣ лежащій на всемъ отпечатокъ военщины. Солдаты на каждомъ шагу, магазины офицерскихъ вещей, книжные магазины, съ краснорѣчивыми вывѣсками, гласящими: „Гражданская и военная книготорговля“, гдѣ военный элементъ, видимо, преобладаетъ, судя по выставленнымъ въ витринахъ книгамъ и журналамъ. За-то, странное дѣло, вовсе не видно офицеровъ на улицахъ. Чтѣ бы это могло означать? Разгадка, какъ оказывается, въ томъ, что гг. офицеры въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользуются своею привилегіей — не носить военного мундира внѣ строя. Не будь этого, военный колоритъ города бросался бы конечно еще болѣе въ глаза.

Военное значеніе Шалона находится въ связи, съ одной стороны — съ близостью лагеря (постояннаго), съ другой — съ его почти пограничнымъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свое всего лишь трехчасовое разстояніе отъ столицы, Шалонъ почти что пограничный городъ: до Меца отъ Шалона не далѣе, чѣмъ до Парижа. И самъ Парижъ, какъ подумаешь, какъ близко къ этой вѣчно „обостроженной“ прусскими штыками германской границѣ. Со времени 1871 г. Парижъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя нѣкоторымъ образомъ на положеніи пограничнаго города, и только тогда лишь вздохнулъ свободно, когда — въ недавнее время — окружилъ себя стоверстнымъ поясомъ новыхъ фортовъ (старые форты, примыкающіе почти къ самымъ стѣнамъ Парижа, признаны были неудовлетворяющими требованіямъ современной обороны).

... Нанесъ визитъ въ мѣстный „департаментскій архивъ“ (archives départementales de la Marne). Познакомился съ молодымъ помощникомъ архивиста, г. Экутаномъ (Mr. Escutin). Архивъ помѣщается въ новомъ, специально выстроенномъ для него зданіи, черезъ улицу противъ префектуры, съ садикомъ, наполненнымъ великолѣпными вишнями и грушами. Въ уголкѣ пріютился миньятюрный огороδικъ, съ нѣсколькими грядами салата, капусты, лука, картофеля и прочей растительной снѣди. Въ другомъ уголкѣ, на маленькой лужайкѣ, пасется козочка, привязанная длинной веревочкой къ чугунной рѣшеткѣ сада. Совершенно буколическая обстановка... Въ моемъ вкусѣ, хотя для меня и довольно таки неожиданная. Уже только переступивъ ворота этого сада, чрезъ который входъ въ помѣщеніе архива, я заранѣе былъ въ восторгѣ отъ моего будущаго рабочаго кабинета, который, оказалось въ довершеніе моего благополучія, выходилъ окнами въ садъ, откуда вела въ него прямо, безъ всякой передней, стеклянная дверь. Однимъ глазомъ буду смотрѣть въ архивные документы, другимъ — въ садъ; одной ноздрей буду вдыхать архивную атмосферу, другой обонять ароматы цвѣтовъ...

Долженъ впрочемъ, въ интересахъ истины, сдѣлать здѣсь маленькую оговорку. Первый мой визитъ былъ собственно не въ архивъ, а сначала въ префектуру. Во-первыхъ, потому что архивъ находится при префектурѣ и официально состоитъ въ вѣдѣніи префекта; а во-вторыхъ, потому еще, что, въ качествѣ заѣзжаго иностранца, являющагося въ городъ, подобный Шалону, т. е. имѣющій стратегическій характеръ, я считалъ во всякомъ случаѣ нелишнимъ показать заранѣе начальству свою физіономію, во избѣжаніе всякихъ возможныхъ недоразумѣній, довольно обычныхъ, какъ говорятъ, здѣсь.

— Смотрите, наставительно предупреждали меня передъ отъѣздомъ изъ Парижа мои тамошніе пріятели, — будьте осторожны, не забывайте, что вы отправляетесь въ военную берлогу (*trou militaire*), гдѣ всякій иностранецъ считается подозрительнымъ. Будьте осторожны! Вотъ у васъ фотографическій аппаратъ. Не вздумайте, чего добраго, еще тамъ какія-нибудь фортификаціи фотографировать . . . Того и гляди, въ шпіоны попадете . . .

— Ну такъ что-жъ? Авось, не разстрѣляютъ, не заглянувши въ мой паспортъ. А это было бы, право, даже интересно, если бы меня наши друзья французы за нѣмецкаго шпіона приняли . . . Впрочемъ, что касается фортификацій, то отъ фотографированія ихъ воздержусь, тѣмъ болѣе что виды этого рода меня очень мало интересуютъ; но что касается дромого-прочаго, то ужъ извините, буду фотографировать направо и налево, вдоль и поперекъ . . . Да, наконецъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей, первымъ дѣломъ предъявлю по пріѣздѣ свою особу г-ну префекту марнскаго департамента.

Итакъ, послѣ бѣглаго осмотра города и его достопримѣчательностей, на что потребовалось не болѣе двухъ часовъ времени, отправляюсь въ префектуру. Передаю приставу свою карточку, говорю — по такому-то дѣлу. Приставъ выноситъ мнѣ, вмѣстѣ съ моей карточкой, устный отвѣтъ префекта, что по интересующему меня архивному дѣлу я могу